

A dramatic scene of a wooden sailing ship's mast and rigging on a snowy, icy landscape under a large full moon. The ship's mast and rigging are prominent in the foreground, extending from the bottom right towards the center. The background shows a vast, flat, snow-covered expanse, possibly a frozen sea or a snowy plain, with a few small figures of people visible in the distance. A large, full moon hangs in the dark sky, casting a soft glow over the scene. The overall mood is cold, desolate, and mysterious.

Олег Сергеев

ЛЁД

Олег Сергеев

Лёд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25279255

ISBN 9785448557293

Аннотация

Во время полярной экспедиции Седова в Арктику погибает один из механиков судна: на глазах у другого механика его выталкивают за борт. Вдова погибшего обращается за помощью к частному детективу.

Содержание

1	5
2	12
3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лёд

Олег Сергеев

© Олег Сергеев, 2017

ISBN 978-5-4485-5729-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Она пришла рано утром, едва только я успел отворить свой кабинет, повесить на крючок пальто, оправить сюртук и сесть за покосившийся уже от времени письменный стол. Мишка опаздывал, как всегда. Да и как ему было не опоздать? Бурные ежевечерние кутежи с бывшими однокурсниками превратили моего незаменимого помощника в ночного жителя, впрочем, я на правах какого-никакого, а начальства вполне мог позволить себе разбудить его даже и спустя час после того, как его дурная голова с копной каштановых волос опустилась на подушку.

Мишка был изрядным любителем выпить и гульнуть хорошенько, не обходя стороной дома терпимости, за что, собственно, и исключили его из университета несколько лет назад. Однако, это печальное событие нимало не смутило моего повесу, и он продолжал вести самый что ни на есть распутный образ жизни – насколько, разумеется, позволяли ему средства от продажи поместья, а впоследствии и мое жалование. Но, несмотря на все эти несомненные недостатки, Мишка был мне совершенно необходим, ибо по части нашего с ним рода занятий превратился в абсолютнейшего виртуоза. Хотя недостаток образования и некоторых теоретических знаний вынуждали его протирать штаны на засаленном стуле помощника частного сыщика или быть у него же на побе-

гушках, внимательность Мишки заслуживала всяческих похвал, поэтому я предпочитал принимать клиентов в его присутствии, однако в то утро он в очередной раз проигнорировал мою гневную отповедь, сделанную накануне, и мирно спал в своей постели после ночного пьяного угара.

Она постучала и тут же вошла, робко оглядываясь по сторонам, вероятно, в попытке понять, стоит ли доверять свою беду сему учреждению. Кабинет мой и вправду не мог похвастаться хорошей меблировкой или даже каким-никаким уютом, впрочем, за чистотой я изо всех сил старался следить, да и внушительное количество папок в застекленном книжном шкафу не могло не навести на мысль о солидности моей практики.

Я кивнул вошедшей даме и указал на стул подле моего стола. Она поспешно засемила ко мне и молча опустилась на скрипнувшее сиденье стула.

– Ну-с, что привело Вас ко мне? – я зажал карандаш в уголке губ и принялся рассматривать свою столь раннюю посетительницу.

На вид ей было около тридцати. Тоска и неимоверное страдание в глазах полностью отвлекали внимание от ее красивых еще черт. Она носила траур, однако, не закрывала лица вуалью. Помнится, меня поразила тогда невероятная бледность, почти прозрачность ее кожи. В руках она сжимала мокрый от слез платок, хотя глаза ее были сухи – с чуть припухшими и покрасневшими веками – следами ноч-

ных рыданий. Волосы скрывала модная по нашим временам шляпка, тем не менее, из-под нее выбивалась пара светлых прядей, обрамляя круглое, почти детское еще лицо.

Мой вопрос заставил ее губы задрожать, и она вот-вот готова была вновь разразиться плачем, но я тут же подошел к ней, обнял за плечи и протянул стакан воды:

– Не надо, прошу Вас. Я обязательно Вам помогу, сделаю все, что смогу – но для этого мне нужно знать, что же произошло.

Она быстро закивала, сдерживая подступившие к горлу слезы, и едва слышно выдавила:

– У меня пропал муж.

– Так, – я вернулся за свой стол, достал журнал и приготовился записывать, – имя, фамилия, обстоятельства, при которых это произошло.

Она вновь закивала и тут же затараторила:

– Катерина Пронина...

Я мягко остановил ее:

– Очень приятно, Катерина...

– Матвеевна, – спохватилась вдруг она.

– Катерина Матвеевна. Но я все же спрашивал Вас об имени Вашего супруга.

– Пронин. Сергей Васильевич Пронин, служил механиком на судне и не вернулся из экспедиции...

Слезы снова выступили на ее темно-серых глазах, и она поспешно принялась сморкаться.

– Катерина Матвеевна, а теперь мне нужны подробности: что за судно, какая экспедиция...

– «Святой мученик Фока», экспедиция Седова в Арктику, – прошептала она.

– А, – с облегчением выдохнул я и закрыл журнал, – в таких экспедициях гибнет каждый второй их участник, это нормальное явление.

Но она помотала головой:

– Нет, на судне всего девять членов экспедиции было плюс экипаж, от цинги умерла половина матросов, но Сережи среди них не было.

– Он мог потеряться во льдах, упасть за борт – с ним могло случиться все, что угодно. Не думаю, что расследование в чем-то поможет Вам.

– Нет-нет! – перебила она меня. – Вместе с ним в экспедиции участвовал его кузен – второй механик. Он-то и сказал мне, что это было убийство. Сережу просто вытолкнули за борт, и я очень хотела бы узнать, кто это сделал. Я заплачу любые деньги, – твердо добавила она, пряча платок в складках своего траурного платья.

– Постойте, с оплатой мы разберемся после того, как я наведу некоторые справки. А пока прошу сообщить мне адрес кузена Сергея Васильевича – мне бы надо с ним обо всем потолковать. У Вашего мужа были враги?

Она растерянно пожала плечами и помотала головой.

– Впрочем, понимаю, – продолжил я, – на предмет по-

дробностей мне и вправду лучше терзать второго механика. Вот, – протянул я ей лист бумаги, – напишите здесь адрес Ваш и его. И мы попробуем чем-нибудь помочь Вашему горю.

Она тут же радостно заулыбалась – если только можно было назвать радостью, то, что изобразилось на ее измученном беспрестанным страданием лице – и закричала пером по протянутому листу.

– Ну а теперь, Катерина Матвеевна, ступайте домой и постарайтесь взять себя в руки. Мы с помощником предпримем все усилия, чтобы преступник предстал перед правосудием.

Она снова закивала, медленно поднялась и вдруг кинулась целовать мою руку, лежавшую на столе. В первые секунды я опешил и не сразу отнял ее, но потом обхватил свою посетительницу за плечи и посмотрел прямо в ее серые глаза:

– Катерина Матвеевна, это мой долг как представителя закона. Да и кроме того я ведь занимаюсь этим не бесплатно. Ступайте, я извещу Вас, как только что-то прояснится.

Слезы потекли по ее бледным щекам. Она поправила шляпку, опустила вуаль и стремительно выбежала из комнаты.

Не успела она прикрыть за собой пронзительно скрипнувшую дверь, как на пороге оказалась едва не сбитой с ног ввалившимся в кабинет взлохмаченным и не вполне трезвым Мишкой. Он основательно ее напугал, и она ошарашено за-

мерла на месте, глядя, как он учтиво и почти по-театральному расшаркался перед ней, протянув:

– Мадам, мое почтение. Пардонне-муа, позвольте Вашу ручку, – и попытался ухватить ее тонкую почти прозрачную ладонь.

Катерина Матвеевна поспешно спрятала руку за спиной, и Мишке лишь оставалось смачно и со вкусом чмокнуть воздух, после чего его лицо вновь приняло серьезно-скучающее выражение, он прошел в кабинет и плюхнулся на зашатавшийся под ним стул.

– Где тебя носило, Мишка, черт тебя дери?! – возмутился я, стукнув кулаком об стол в то время, как его физиономия вновь расплылась в наигранной пьяной улыбке.

– Николай Алексеевич, – притворно заканючил мой больной с похмелья повеса, – ну как Вам не понять! Молодость проходит, годы летят... Разве могу я упустить шанс напоследок гульнуть, прежде чем какая-нибудь матрона кровь с молоком навеки окольцует ясноглазого сокола? – и лицо его приняло столь жалобное, почти мученическое выражение, что я не выдержал и невольно расхохотался.

– Ну что мне с тобой делать, сокол мой? – простонал я, вытирая глаза. – В наказание я могу не допустить тебя до расследования весьма интересного дела, – и я хитро ему подмигнул.

Мишка тут же выпрямился и напрягся, как натянутая струна:

– Уж не то ли это голубоглазое дело, что только что выскользнуло из кабинета? – и он с притворной сердитостью погрозил мне пальцем, ноготь которого уже изрядно пожелтел от табака.

– У нее погиб муж в арктической экспедиции, и она упорно не хочет верить в то, что для моряка дожить до сорока лет – уже чудо. Впрочем, она платит нам, и мы, хочешь – не хочешь, а должны хотя бы попытаться изобразить бурную деятельность. Прямо сейчас мы отправимся к кузену ее мужа, что был на том корабле вторым механиком, так что, приведи себя в порядок.

Мишка пожал плечами и кое-как причесался пятерней. Я велел ему купить по дороге кислого молока и имбиря, чтобы хоть как-то забить похмельное амбре, и через несколько минут мы наняли экипаж и отправились по указанному Катериной Матвеевной адресу.

Кузен Сергея Пронина, Ипполит, проживал со своей семьей в одном из небогатых кварталов Петербурга на втором этаже двухэтажного дома, первый этаж которого занимала собственнно хозяйка, сдавая верхние комнаты внаем. Мы кое-как пробрались по узкой темной лестнице, залитой помоями, наверх и, не найдя ни звонка, ни дверного молотка, принялись со всей мочи колотить в заплесневелую и местами прогнившую дверь. Через пару минут на пороге показалась крошечная девочка и уставилась на нас своими круглыми и темными, как вишни, глазами.

– Пронины здесь живут? – рявкнул на нее Мишка.

Девочка вздрогнула, побледнела и сделала шаг назад, указывая пальцем на что-то за нашими спинами. Мы обернулись и увидели еще одну дверь, обитую войлоком. Стучать по ней было практически бессмысленно, и Миша дернул за едва державшуюся ржавую ручку. Дверь тут же отворилась, и мы оказались в крошечной прихожей в крошечной тьме. Я постарался как можно громче кашлянуть и крикнул:

– Позвольте войти?

Где-то вдалеке слышался шорох, а затем звук приближающихся шагов, и уже через минуту перед нами стояла невысокого роста женщина средних лет, державшая свечной огарок и подслеповато шутившаяся в попытке разглядеть

незванных гостей.

– Здравствуйте, – с готовностью начал я. – Меня зовут Николай Зандерс, я сыщик и занимаюсь расследованием гибели вашего родственника – Сергея Пронина. Мы пришли поговорить с Ипполитом... простите, не знаю, как его по отчеству...

– Андреевич, – хриплым голосом произнесла женщина. – На ваше счастье он сейчас дома, не на верфи. Проходите. Поля!

Мы проследовали за женщиной в темную гостиную, свет в которую проникал через единственное узкое окно, выходящее во двор. В комнате было сыро и сильно пахло плесенью – лучам солнца мешала проникать сюда стена соседнего дома, которую только и было видно из окна. Навстречу нам поднялся небритый коренастый мужчина и радостно пожал нам руки:

– Катя все-таки решилась, верно? – дрожащим голосом спросил он. – Правильно, я давно ей говорил, что дело нечисто. А полиция что? Полиции улики подавай, она без улик не работает. Угоститесь? – предложил вдруг он и чуть выдвинул вперед стоявшую на столе бутылку с мутным содержимым.

У Мишки тут же загорелись глаза, и я одернул его сзади, чтобы привести в чувство.

– Мы пришли, чтобы задать Вам несколько вопросов, Вы позволите? – и мы опустились на стоявшие тут же деревян-

ные стулья, немилосердно заскрипевшие под тяжестью нашего веса.

– Расскажите нам об экспедиции, – начал Мишка, облокотившись на стол и с грустью уставившись на запотевшую бутылку.

– Ну вы как хотите, а я, извольте, все же выпью, – пророкотал Ипполит и залпом опрокинул в себя целый стакан.

Мишка с завистью проглотил слюну и принялся отчаянно тереть лоб.

– Экспедиция, говорите? – Ипполит принялся зажевывать выпитое сухой корочкой хлеба. – Да вы и сами, небось, читали в газетах, чем она закончилась. Это я вот, везунчик, с вами тут сейчас сижу, а Серега, а Георгий Яковлич! – и он неожиданно для всех разрыдался.

– Конечно же, мы наслышаны о том, как проходила экспедиция и чем она закончилась. Однако, Вы с Катериной Матвеевной утверждаете, что во время нее имело место уголовное преступление, посему Вы просто обязаны сообщить нам все подробности, чтобы мы могли привлечь убийцу к ответственности, – мягко остановил его я.

– Да-да, – закивал Ипполит, вытирая слезы рукавом. – Разумеется. Но Вам бы лучше с капитаном поговорить, Николаем Петровичем. Он всяко грамотнее нас, простых механиков будет... Ну да я расскажу все, что знаю. Я тогда без денег сидел, меня прикрепили механиком к «Первенцу», броненосной батарее, и к тому времени его постоянно держа-

ли на верфях и беспрестанно чинили – до чего худая посуда! Ей уж почти полвека! К ремонту меня практически не привлекали, допускали только царских мастеров, вот я и шатался без дела, пока не пришел ко мне Серега и не позвал идти с ним вторым механиком на Фоку. Деньги предложили немалые, отказываться было грех. Ну я разом упаковал свой узелок и отбыл на борт. Поначалу все шло неплохо, но на подходе к Новой Земле мы попали в жестокий шторм, который снес практически весь наш груз, что готовила экспедиция. Капитан вел судно к Франца Иосифа, но нас затерло льдами, и Фоку повернули назад к Новой Земле. Тут-то это и приключилось. Я тогда напивался сильно – все мои теплые вещи смыло вместе с грузом, и мерз я немилосердно. Одно спасение было в самогоне, жратвы-то тоже недоставало... Ну и как-то в один из вечеров надрался я в очередной раз и вышел на палубу на звезды поглядеть, воздухом подышать, и тут вижу – Серега стоит прямо у бортика и с кем-то перешептывается. Судя по голосу – такой же пьяный, как и я, едва на ногах держится. Тут Фоку качнуло на волнах, Серега не удержался на ногах, и его едва успел подхватить этот самый неизвестный, что с ним стоял. Подхватил он его, значит, наклонил вперед, да и вытолкнул за борт! Я даже охнуть не успел. Потом он осмотрелся по сторонам и тут же скрылся, я не успел рассмотреть его лица да и по фигуре не разобрал, кто это был. Одно точно понял – не матрос это, а кто-то из благородных, кого Георгий Яковлич с собой взял.

Я напрямик к капитану кинулся, да только он меня и слушать не стал. Ты, говорит, Ипполит, слишком много пьешь, мало ли что тебе померещилось. Но вот когда Серега в рубке на следующий день не появился, первый помощник его спохватился и меня вызвал. Я опять рассказал все, что видел, но и тот мне не поверил и расследования проводить не стал. Вот поэтому-то я и вызвался сопровождать капитана, когда он отправился на материк за припасами. Вот, собственно, и все. Знаю я немного, да и выжили тогда далеко не все. Мы с Катей понимаем, что, возможно, убийца уже наказан Богом. Но только удостовериться в этом хотелось бы... – и он налил себе новый стакан мутной жидкости.

Через час мы с Мишкой тряслись в экипаже, направлявшемся к докам: адрес проживания капитана Захарова был Ипполиту неизвестен, а только он, по убеждению последнего, мог пролить подлинный свет на свершившееся, ибо оставался одним из немногих выживших.

Всю дорогу Миша что-то бормотал себе под нос, и, как только я поинтересовался, какие выводы он сделал из услышанного, тот яростно воскликнул:

– Николай Алексеич, это все вранье! Он солгал нам!

– Хм, поясни.

– Он утверждает, что не разобрал ни лица, ни телосложения убийцы, однако, со всей уверенностью заявляет, что это был не матрос, а кто-то из членов экспедиции, врач, либо сам капитан – «кто-то из благородных», выражаясь его язы-

ком. Ну зачем, скажите мне, кому-то из них было убивать обычного механика? Какой у них мог быть мотив?

– Мотивов я могу придумать хоть сейчас целую дюжину, – пожал я плечами. – Например, Сергею могла стать известна тайна кого-либо из означенных лиц, а в условиях замкнутого пространства это более чем вероятно. Одного этого уже достаточно для убийства, но при этом Сергей мог начать шантажировать убийцу. В конце концов, почему мы исключаем пьяную драку? Насколько нам известно, теплые вещи экипажа и пассажиров смыло волной практически в самом начале плавания, и алкоголь стал единственным средством согреться...

– Драка между механиком и капитаном? Механиком и врачом? Механиком и руководителем экспедиции? Режьте меня, Николай Алексеич, но я в это не верю. Как мы не расспрашивали его, почему он решил, что убийца – непременно кто-то из благородных, он так и не привел никаких убедительных доказательств, одни невнятные фразы по поводу его осанки да и только. Если нам непременно сейчас в разработку надо взять возможного кандидата на роль убийцы, то я голосую за Ипполита.

– Миша, ты в своем уме?! Если он сам и убил своего кузена, зачем ему привлекать излишнее внимание к этому происшествию? Ну погиб Сергей и погиб. Катя бы никогда не узнала об обстоятельствах смерти мужа, если бы ее не просветил сам Ипполит. И потом ты, по-моему, перечитал детективов –

только в книгах убийца обращается к следователю с просьбой найти убийцу, таким образом, отвлекая внимание от себя.

– Все это верно, Николай Алексеевич, но, боюсь, мой подозреваемый не обладает столь острым умом, чтобы воспроизвести всю названную Вами логическую цепочку в собственном сознании. В любом случае, я оставляю его для себя про запас и подозрения с него не снимаю.

В доках царили послеполуденные шум и суета: там и тут сновали рабочие в засаленных робах. Я встал в стороне и отправил Мишку на поиски капитана.

– Привет, приятель! – крикнул вдруг кто-то, пробежавший мимо, чье лицо я даже не сумел толком рассмотреть.

Мишка обернулся и с удивлением посмотрел в спину кричавшему, а я лишь пожал плечами. Вернулся он достаточно быстро и, взяв меня под руку, направился к ожидавшему нас экипажу.

– Не могу сказать, что узнал точный адрес, но какие-то ориентиры матросы дать мне смогли. Эй, милейший! – крикнул он извозчику. – Знаешь, где трактир Зареченского располагается? – он толкнул меня локтем в бок и шепотом добавил: – Матросы сказали, это питейное заведение ни один извозчик стороной не обходит.

– Да, барин, как не знать! – закивал тот и развернул лошадей.

Дом капитана Захарова располагался прямо напротив

означенного заведения, и с самим хозяином мы столкнулись еще в дверях: он спешно поправлял китель, направляясь к ожидавшей его пролетке, и буквально рухнул в мои объятия. Он тут же извинился, отряхнулся и хотел бы проследовать дальше, но Мишка схватил его за рукав и, хитро прищурившись, предложил задержаться на несколько минут.

– Кто вы такие? – удивленно спросил капитан, осматривая нас с ног до головы.

Я протянул ему свою карточку и представился.

– Извините, я спешу, – пробормотал Захаров и попытался вырваться, однако цепкие пальцы Мишки не выпускали его локоть.

Я вкратце обрисовал ему дело и попросил уделить нам немного времени, выразив готовность проследовать с ним в пролетке до того места, куда он так спешил. Капитан слегка побледнел и махнул извозчику рукой, чтобы тот уезжал и не ждал его.

– Предлагаю пройтись пешком, господа. Так чем могу быть полезен?

– Мы хотели бы услышать Вашу версию гибели Сергея Пронина, – вкрадчиво начал я.

– Никакой такой версии у меня нет, – пожал он плечами. – Мало ли что там набрехал вам Ипполит, я вообще жалею, что взял этакого пьяницу на борт. Ему померещилась всякая чепуха, а вы верите.

– Дело в том, Николай Петрович, что наш клиент платит

нам звонкой монетой. И мы просто обязаны выяснить все обстоятельства гибели второго механика Святого мученика Фоки. И Вам придется нам в этом помочь. Со следствием лучше сотрудничать, господин капитан, – и Мишка ухмыльнулся, фамильярно похлопав нашего попутчика по плечу.

– Хорошо, извольте! – недовольно отмахнулся капитан. – Сейчас я и вправду очень спешу, но вечером смогу уделить вам некоторое время. Приходите в тот трактир напротив моего дома часам к восьми, я принесу бортовой журнал, и мы все обсудим. А теперь я должен откланяться, – и он вновь попытался вырваться.

Мишка поднял на меня глаза, как бы уточняя, стоит ли его отпускать. Я едва заметно кивнул, и через минуту капитан был свободен и, остановив первого проезжавшего мимо извозчика, исчез за поворотом.

– За ним! – крикнул Мишка, прыгнув в следующую пролетку.

Я едва успел последовать за ним и тут вопросительно взглянул на своего отчаянного помощника.

– Николай Алексеич, он не пожелал показать нам, куда в действительности направляется, а это может оказаться важным для расследования. Ведь капитан – один из тех самых благородных, на которых указал нам Ипполит. Так это или нет нам и предстоит проверить.

Мы двигались в небольшом отдалении от экипажа капитана, стараясь не попадаться на глаза его извозчику. Миновав

несколько улиц, пролетка, наконец, остановилась возле двухэтажного особняка, а мы из предусмотрительности проехали еще один квартал, а там рассчитались с возницей. Когда мы подошли к особняку, капитан уже успел исчезнуть в дверях, и мы принялись празднично прогуливаться под окнами, пытаясь улучшить момент и узнать у прохожих, кому принадлежит этот дом. Наконец, нам представилась такая возможность: из открывшихся вдруг ворот выскользнула девушка в темно-сером капоре с корзиной в руках, очевидно, белошвейка. Мишка остановил ее и вежливо поинтересовался, чей дом посетила столь прелестная особа. Девушка смутилась, покраснела и пролепетала:

– Помещицы Светловой.

– А что, душенька, – продолжал Миша, обняв девицу за талию, – госпожа Светлова одну тут живет?

– Как есть одна, – закивала белошвейка, – с прислугой то есть. Родители ее давно уж померли, брат в деревню уехал поместье подымать, а она тут осталась.

– Не замужем, говоришь?

– Вдовая она. Деток нету, – и девушка смущенно улыбнулась.

– Ну, ступай, милая. Спасибо тебе, держи вот, – и Мишка сунул ей в кулак несколько монет.

Она быстро и резко поклонилась и убежала, забавно семеня своими тоненькими ножками в скромных сапожках

– Вот как, стало быть, дело обстоит... А ты был прав, Ми-

ша. Ну что ж, пошли что ли вон хоть в тот трактир, погреемся, подождем, пока капитан выйдет...

Высокая фигура капитана выскользнула из ворот примерно через полтора часа. К тому времени Мишка успел здорово набраться, а у меня никак не выходило воспрепятствовать этому. Я умолял его взять себя в руки и пойти умыться, прежде чем мы постучимся в дверь к Светловой, но он только полупьяным голосом убеждал меня, что все в порядке и он трезв как никогда прежде.

Лакей Светловой, осмотрев нас с ног до головы, презрительно бросил, что барыня, дескать, не принимает, в театр, дескать, она собирается, но я протянул ему свою карточку и попросил передать барыне, что мы не отнимем у нее много времени и что лучше мы поговорим с ней в ее же собственном доме, чем полиция вызовет ее в участок. Лакей охнул, всплеснул руками и тут же исчез, но через несколько минут уже провожал нас в гостиную и просил немного подождать, пока барыня оденется.

Светлова всплыла в комнату, и мы с Мишкой невольно привстали при виде ее: редко в наше время можно встретить такую красоту. Мишка даже присвистнул, а я принялся напряженно тереть лоб носовым платком, пытаясь избавиться от предательской испарины. Круглые каре-зеленые глаза нашей хозяйки изумленно взирали на нас из-под длинных темных ресниц, на лбу и висках сплелись кольца едва причесанных каштановых волос: мы пришли явно некстати, она

не успела привести себя в порядок после визита своего возлюбленного.

– Чем обязана, господа? – Светлова присела, подобрав подол своего темного и скромного домашнего платья.

– Как Вас по имени-отчеству? – осторожно поинтересовался Мишка, слегка откашлявшись.

– Александра Родионовна, – мягко улыбнулась она, склонив голову набок.

– Ну так вот, Александра Родионовна, – продолжил уже я, – прошу прощения за попытку влезть не в свое дело, но все же речь идет об убийстве, поэтому я просто обязан спросить Вас, что делал в Вашем доме капитан Захаров?

Она вдруг побледнела и закрыла лицо своими тонкими белыми ладонями:

– Как убийство? – пробормотала она. – Какое убийство? Кого он убил?

– Успокойтесь, Александра Родионовна, – Мишка тут же подошел к ней и попытался бесцеремонно обнять, однако, она оттолкнула его, достала из кармашка платья пузырек с нюхательной солью и откинулась на спинку дивана, – он всего только под подозрением. Скажите, что Вас с ним связывает?

Она принялась обмахиваться носовым платком:

– Я так и знала! На флоте с этим строго, а у Николая всегда была отменная репутация! Ах, зачем мы с ним встретились!.. Господа, что вы хотите знать? Была ли я его любовни-

цей? О, да! Только прошу, заклинаю, не сообщайте об этом в полицию! Если Николя кого-то убил, пусть по крайней мере честь его семьи не будет затронута...

– Александра Родионовна, он пока только один из возможных подозреваемых, у которого есть мотив для убийства – отношения с Вами. Мы вынуждены будем просить Вас до окончания расследования ничего не сообщать ему о нашем визите, иначе его придется арестовать, он ведь может попытаться бежать...

– Хорошо, господа, – с готовностью закивала она.

– А теперь расскажите нам, как долго продолжаются Ваши с ним отношения и как часто вы встречаетесь. Что знает обо всем этом его семья?

– О, мы с Николя встретились около пяти лет назад, когда еще был жив мой покойный супруг, царствие ему небесное! – и она снова замахала платком. – Николя тоже был женат и имел уже двоих деток. Родители женили его в ранней молодости против его воли, но он всю свою жизнь питал к супруге глубочайшее уважение. Поэтому он и не хочет, чтобы она о чем-то догадалась... А началось все у нас вскоре после смерти моего мужа, дьявол его заberi! – и она гневно покраснела. – Правда, вскоре после этого ему предстояло плавание в Арктику... Постойте, а когда же случилось то самое убийство, о котором вы тут мне говорите?

– Во время упомянутой Вами экспедиции в Арктику.

– Думаете, кому-то на борту могли стать известны наши

с ним отношения, и Николая... ах! – и она вновь достала соли.

– Мы не исключаем такого варианта развития событий. Александра Родионовна, после возвращения капитана Захарова не заметили ли Вы чего-нибудь необычного в его поведении? Может быть, его терзали какие-то не ведомые Вам мысли?

Она задумалась, а потом медленно покачала головой:

– Мы ведь встречаемся нынче не так часто, всего пару раз в неделю на пару часов, и Николая все время страшно спешит...

– Спасибо, Вы нам очень помогли, – встал Мишка с явным намерением откланяться, мне пришлось последовать его примеру. – Если вдруг узнаете что-то, что покажется Вам интересным и относящимся к делу, пожалуйста, свяжитесь с нами – на карточке имеется адрес...

– Да-да, конечно! – с готовностью закивала она. – Только умоляю, не говорите Николая, что я рассказала вам о наших с ним встречах...

– Александра Родионовна, это не в наших интересах, – заверили мы ее и, поцеловав ее холодную ладонь, поспешили удалиться.

3

Капитан оказался на редкость пунктуальным и уже ждал нас, когда мы подошли к трактиру немного раньше назначенного времени. Он заказал сидра и к нашему приходу успел ополовинить бутылку. Бортовой журнал лежал тут же на столе.

– Вот, господа, – начал он, не здороваясь, – можете ознакомиться со списком членов экипажа и с основными записями. Отдать его вам на руки я, к сожалению, не могу, это не моя собственность. Так что рассказал вам Ипполит? – и он опрокинул в себя очередной стакан сидра.

– Что убийцей был кто-то из благородных – либо член экспедиции, либо офицер.

– Так-так-так, и зачем офицеру было бы убивать простого механика?

– Да мотивов-то, Николай Петрович, масса. Поэтому позвольте нам все же изучить все возможные версии, – вальяжно протянул Мишка, листая журнал. – Итак, что мы имеем? Из экипажа убийцей мог стать штурман, судовой врач и... Вы, капитан. Теперь что касается состава экспедиции...

– О, нет, с этим уже не ко мне. За это отвечал Георгий Яковлевич.

– Седов из экспедиции не вернулся. Так у кого же нам получить заветный список?

– Я не знаю. Обратитесь к Дриженко в Гидрографическое управление. Все это делалось с его благословения.

Я достал из портсигара листок бумаги и чиркнул на нем пару фраз.

– Николай Петрович, бортжурнал нам все же придется на некоторое время оставить у себя. Однако, вот Вам расписка в том, что ровно через неделю журнал будет возвращен Вам в целости и сохранности. Да-да, – закивал я в ответ на протесты капитана, – полиция к делу пока не привлечена, а она, как Вы сами понимаете, церемониться не станет. Благодарим Вас за информацию о Дриженко и выбирайте, пожалуйста, знакомых повнимательнее. Всего хорошего!

Уже на улице Мишка вытаращил на меня глаза и похлопал себя по шапке:

– Зачем Вы это про знакомых?! Он же поймет, что мы за ним следили!

– Ну это вряд ли, если только Светлова не проговорится. А ей самой это не с руки... Ну что, Миша, сейчас по домам, а завтра ты займешься журналом, а я отправлюсь к Дриженко.

Миша вяло закивал, притоптывая на морозе, и через несколько минут скрылся в темноте: из-за вечной нехватки денег без меня он предпочитал передвигаться исключительно пешком.

Попасть на прием к видному ученому Федору Кирилловичу Дриженко оказалось делом непростым: в гидрографи-

ческом управлении, в котором я провел несколько часов, бегая по этажам от одного чиновника к другому, мне удалось выяснить только то, что бывает он там чрезвычайно редко, поскольку давно уже в отставке и несколько лет как фактически отошел от дел. Подробностей экспедиции Седова никто не знал, все только отмахивались от меня, а один клерк бросил, что с самого начала догадывался о бессмысленности этой затеи. Адреса Дриженко мне тоже давать никто не собирался, и мне пришлось написать несколько официальных запросов, на которые мне пообещали ответить в течение месяца. Я плюнул на все, хлопнул дверьми, понимая, что и тут без Мишки не обойтись. Заслав его все в то же проклятое здание, к вечеру я уже заполучил адрес Дриженко, а Мишка – свой законный выходной на завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.